

СМЕНА

10

1947

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

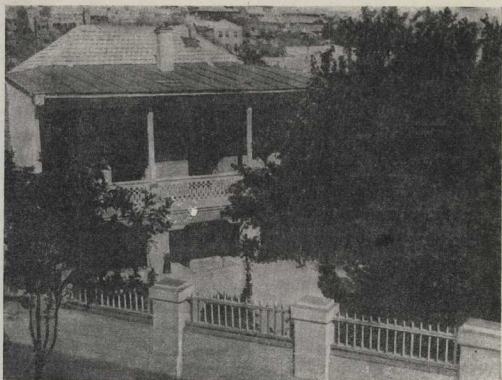

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ, Май, № 10, 1947 год.

Год
издания
24-й

АВЛАБАРСКАЯ ТИПОГРАФИЯ

Дом на окраине Тбилиси, в подвале которого помещалась Авлабарская большевистская подпольная типография. (Снимок сделан после реставрации дома.)

В тихом уголке Тбилиси, на гухуи в прошлом окраине Авлабар, находится одно из замечательных мест города — дом-музей реставрированной Авлабарской подпольной типографии Кавказского бюро РСДРП.

Эта типография работала с ноября 1903 по апрель 1906 года. Она представляла собой замечательно сложное предприятие Кавказского союза РСДРП и являющийся образцом большевистской подпольной техники.

Приезжающие в Тбилиси экскурсанты, знакомившиеся с историческими местами, связанными с жизнью и деятельностью товарища Сталина, считавшим своим долгом посетить этот милый домик, чтобы отдать дань уважения неизмеримому мужеству и изобретательности кавказских большевиков, пламенных борцов за торжество пролетарской революции.

Мы сидим в тени каштанов, прикрывающих нас от немалосредно палящего летнего солнца, и слушаем рассказ экз. курсовода:

— Начало XX века в Закавказье, так же как и во всей России, ознаменовалось заметным оживлением рабочего движения. Обострилась партийная борьба. Существовавшие тогда полужурналистские типографии не могли удовлетворить возросших потребностей издания партийной литературы.

Избранный в 1903 году I съездом кавказских социал-демократических организаций Кавказский союзный комитет (в него было вочно введены товарищи Сталин, находившийся тогда в Ватумской тюрьме), принял решение о создании хорошо замаскированной подпольной типографии, которая могла бы в больших тиражах выпускать партийную литературу.

По предложению товарища Сталина, Кавказский союзный комитет поручил это задание члену Комитета Мико Бочоридзе.

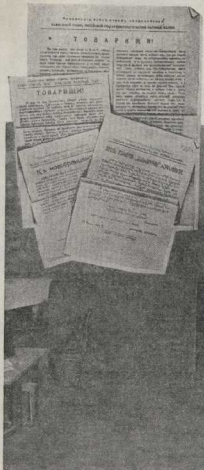
М. Бочоридзе, энергичный переловый рабочий-революционер, сразу же принялся за дело. Он обратился к бывшему рабочему железнодорожных мастерских Дитию Ростомашвили с просьбой уступить участок земли, принадлежавший его отцу в районе, где мы с вами находимся. Место было пустынным, вокруг несколько домиков и рельсовый путь. За дачей — кладбище.

Д. Ростомашвили представил в городскую управу заявление о том, что он хочет застроить участок земли, принадлежащий ему. Разрешение было получено. Ростомашвили составил фиктивный план застройки, который управа утвердила. Но одновременно с этим был составлен другой секретный план, отличавшийся от официального тем, что под домом проектировалась ещё одно помещение, в котором и должна была разместиться типография.

Начина строители! На их недоумовный вопрос, зачем хозяйку отдавался такой глубокий подвал, Ростомашвили отвечал, что он задумал устроить под домом лодник.

Когда была вырыта глубокая яма и уложен фундамент, рабочие рассчитали, заявив им, что хозяин обанкротился и средств для продолжения застройки у него нет. Осталась небольшая группа надежных товарищей, посвящённых в тайну, которые своими силами создали систему вентиляции из подвала, а над ним соорудили кирпичные перекрытия, оставив небольшой лаз сверху. Замаскировав этот ход, вновь пригласили рабочих, но уже совершенно иных, которые и возвели здание под крышу.

Теперь осталось сделать хорошо замаскированный ход в нижней подвале. Нанимая опытного землекопа, который неподдаётся от дома вырыл глубокий колодец (иногда канализационный), а когда работа была исполнена, рассчитали и этого землекопа. Потом подпальщики отсутствовали в вырытый колодец лестницу, а сверху яму засыпали землёй. Колодец как не бывало! Вырыл ещё один колодец, глубиной в 14 метров, — для воды. В нём, на рассто-

Помещение подпольной Авлабарской типографии; слева сверху — печатавшиеся здесь прокламации Кавказского союзного комитета РСДРП.

нии 1,5 метра от уровня воды, провели горизонтальный тоннель в первый колодец. Вода была готова.

Для того чтобы добраться в типографию, надо было через колодец с водой, по выемкам в его стене, спуститься почти до самой воды, держась за верёвку с балбей. Затем по горизонтальному тоннелю достигли второго колодца, поднялись по лестнице вверх, а оттуда — в типографию.

Другого выхода в типографию не было. Люком над кузней пользовались очень редко, с самых необходимых случаев — для замены частей оборудования и подачи больших партий бумаги.

Над колодезем с водой возвели дощатый свай (его яму), участок, прилегающий к яме, обнесли высоким колючим забором.

В типографии провали звонок, кнопку от которого упрятали в обход первого этажа колодеза.

Через шесть месяцев строительства было закончено. В дом поселили тётку М. Бочориде — Бабе Алашдае-Бочориде. Бабе почти безотлучно находилась в доме. Она приготавливала пищу для типографистов, брала хлеб и — что самое главное — непременно находила за ушами. В случае опасности одной длинной звонкой работавших от этого, и печатная машина останавливалась. Забор же представлял беспрерывное задание у типографии было очень много. Из-под машин ежедневно выходило до 6 тысяч отписок!

Работники типографии товарищи И. Дарихалиев, Г. Алашпашин и братья Готуае безвыходно трудились здесь, отрываясь лишь для сна и для принятия пищи. Иногда работали и ночью.

В феврале 1904 года товарищ Сталин приезжает в Тифлис после побега из Сибири. Он организует и направляет борьбу против меньшевиков, которые активизировались после II съезда партии. Это была первая и непрекращённая борьба большевиков за созыв III съезда. Вопрос о пропаганде большеинских взглядов среди рабочих, крестьян, солдат приобрёл исключительное значение.

Через М. Бочориде товарищ Сталин руководил всем делом Алабаскской типографии — крупнейшим подпольным большеинским издательством того времени. Находясь на квартире М. Бочориде или в мастерской Цхаобаи Сологашвили, товарищ Сталин писал статьи, направленные против меньшевиков, редактировал материал для газет, давал указания по поводу лучшей конспирации, забрался о шрифтах, о чистоте отписок, об отделе работников.

В типографии печатались на трёх языках — русском, грузинском и армянском — лучшая и самая крупная после ленинского «Пролетария» большеинская газета «Борьба пролетариата» и приходящая «Борьба интеллигентов пролетариата». Печатались воззвания и листовки, написанные главным образом руской товарищи Сталина. Среди них: «Ко всем рабочим», «Вопрос «Социал-Демократу», «Два съезда Кавказа, пора отомстить», «Граждане!» и другие.

Печатались литература, которая расходилась далеко за пределы Грузии. Здесь и работы Ленина: «Резолюционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», «К деревенской политике» и работы Сталина: «Коротко о партизанской войне», «Два съезда Кавказа», «Вооружённое восстание и наша тактика», «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?», «Классе пролетариата и пролетариате», здесь печатались программа и устав партии.

О статьях, написанных в этот период Иосифом Висарионовичем, в новом издании биографии товарища Сталина сказано: «В этих статьях Сталин выдвинул принципиально важные моменты, как крупнейшая литературная и теоретическая сила партии, политический вождь пролетариата, первый политический лидер. В своей деятельности и брошюрах Сталин разрабатывает ряд теоретических и политических вопросов. Он вскрывает идеиную фальшь антибольшевистских течений и фракций, их оппортунизизм и предательство. Его удары по врагам жестоко попадали в цель».

Отпечатанные издания переправлялись к Михо Чохришвили, а оттуда — через специальных агентов — расходились по всему Закавказью.

Дважды в месяц ко двору типографии доставляла подвода, нагруженнаящиками изюма, фруктов, какие часто можно было видеть у ушами Тифлиса. Когда подвозила еду, под этикетки «Фрукты» находились прокламации, листовки, брошюры.

Негласная большеинская литература распространялась через город. Её читали рабочие на заводах и в мастерских, свои проникала в сельские районы, в солдатские казармы. Парские ипейки с него сбивались в поисках подпольной типографии. Не раз городские и шпиксы заходили по двор дома № 7 по Канской улице, но всякий раз благодаря бдительности Бабе Бочоридзе уходили из с чем.

Однажды Михо Бочориде зашла около забора двор флигеля, набавившись за домом. Дружинники приняли меру предосторожности. Большинство их срочно покинуло дом, всё что могло бы скомпрометировать жильцов, спрятали в колодези, в подвале, ведро и верёвку с колодеза отняли, чтобы не навлеечь подозрения. Но было поздно.

15 апреля 1906 года Алабаскская типография была окружена. Полница приступила к обыску. Осмотрев всё, но ни на дворе, ни в доме, ни в подвале-кухне не могли найти никаких следов типографии, ни одного компротетурного закладного предмета. Они уже собирались снимать опешеление и уходить, как вдруг один из жангаров обнаружил странное углубление на стене колодеза, которое было худать вниз, в темноту. Чтобы лучше рассмотреть, куда они велут, жангары подпали ввалившуюся в бурьяне бумагу, жёлт её и бросил в колодез. Она почти догнала до вымытого изюма — точёным колодезом была затянута кузачка в сторону. Ониж повторили — и опять тот же результат. Тогда решили спустить и посмотреть на лицо колодеза. Дворок отступил, дождь начал стучаться вниз до воды и заметив, ведущий в сторону дома хол. Он не решился пройти по нему и доложил об обнаруженном начальству. Было ясно, что так может вести только к подземелью.

Жандармы вернулись в дом и начали вести раскопки со стороны кухни. Они обнаружили доски люка и таким образом проникли в типографию.

Рягром Алабаскской типографии, просуществовавшей свыше двух лет, не оставалось печатания нелегальной литературы. Взятые Алабаскской типографии большеинскими Грузия в составе рия поном Павленцевы прыжки Ленин и Сталина, возможные в подвале, они должны звать пролетариат на борьбу с самодержавием, большеинское движение росло и крепло.

В чет году до инимитации Аврентия Павловича Берия попользов Алабаскская типография — этот замечательный памятник, отображающий яркую страницу из истории борьбы большеинков Грузия под руководством товарища Сталина, — была восстановлена и препращена в музей, — заканчивая свой рассказ экскурсовод.

По винтовой лестнице, сделанной для посетителя, мы спускаемся в подполье. Здесь всё так же, как было более 40 лет назад. Полурак. Маленькие электрические лампы создают малоозное свечение атепелюновых горелок, прищипанных тогда. И навалены, висят на стенах разные шрифты, перекати. Посреди подвала — печатная машина фирм «Аугсбург», в улах — маасёкя, различная типографская утварь, балла сарфы.

В эти минуты думаешь о том, кто был коммений и стража, забывая о себе, трудились здесь, борясь с царским самодержавием, борясь за счастье грядущих поколений.

Добриша ЦЕСАРИЧ

ПРАДЕД

Он от врагов тойкою ушёл в дубраву,
Когда над краем мались тучи-орды.
Саю свободу и отчину славу
Оборнял уверенно и гордо.
Красавца пришла в его дружинку
И поблбала юному навику,
Вечна их в роще ветре топлбнны.
О воле пели на прегорьях реки.
И молодце, лёгкие, как птицы,
Он начал полагать роду,
Который только к правде мог стремиться,
Который храбро бился за свободу,
Я рос, как прадед,—рос в народе гордом;
С врагом я бился на устах горных;
Я молодой —руками молодыми
Завоевал священную победу.
О ней, о ней столетиями свдими
Мечтали смелые гайдуки-деды.

Перевод с серватского
Надежды Беллнович

Сергей ТЕЛЬКАНОВ

МОНГОЛЬСКАЯ ЛЕГЕНДА

Легенда это. Гласит о том она:
Врагов в борьбе суровой на осилна,
С монгольских гор ушёл Амурсана,¹
За помощью в далёкую Россию.
Он дал обет стране степной и гор,
Озрём, рекам, своему народу —
Путь назад и привести свободу.
И от пропал Амурсана с тех пор,
Когда, заслышав такую вавину,
Степной простор в таврог австрепулся,
Повец-монгол мне песню спел о том,
Как в край родной Амурсана вернулся.

М. ЛАРИН

ГРОЗА

Первый дождь ударил niskое
по стеклам,
Рассыпая серебристую карточку.
Над канавой одуванчики намокли,
Сбросили шали пуховые с плеч.
Словно под линейку в молнии косми
Розлинови и расчерчен луг.
Это светлая, весенняя Россия
Распахнула горизонтон круг.
Натянул поводья беспоконный ветер,
Плутящими крыльям не щадя.
Закружилась, завертелась всё на свете
В дином плесе майского дождя.
Выбивают капли, словно в звоний
бубен,

И автрак танцует на холме.
У меня от жанды свешивши губы
В дождевой задохлсь кутерьма.
Я такой грозы не вындвал отроду,
Радуга легла над болышком.
И в ручьях, разливах, разбрызгивая воду
Пробежало детство босиком.

¹ Народный монгольский герой.

Витальность

«Когда мне теперь задает вопрос, в какой институт я хочу идти после школы, я отвечаю: «Только в медицинский!»» Так заканчивает свою школьную сочинение ученица 10-го класса Яна Козловская.

Сорок тысяч советских молодых людей, окончивших сейчас 10-ю классы школ, выйдут из них с аттестатом зрелости в руках. Аттестат зрелости! Какое чудесное слово, новое известное мечтаниям, радужных надежд, надежда и в то же время — трепет, опасений, колебаний... И вот скоро это слово превратится в реальность, скоро будет дана оценка десятилетней работы каждому юноше и девушке. Восьмилетним реброном переступил крайний из них школьный порог. И вот пролетело десять лет. От знакомства с буквами алфавита, от счета единиц в пределах десятка они дошли до сочинений-рефератов на сложные литературные и естественно-научные темы, до решения задач на бисом Ньютона, до квантовой теории.

Здесь, в школе, они впервые узнали о жизни и борьбе за их счастливое будущее величайших людей революции. И Ленин, и Сталин, здесь их сердца впервые назвали виноваты гордостью за свой народ, давший миру единственного Виссариона, Чернышевского, Добролюбова, чьи жизни еще много лет будут оставаться для миллионов тружеников Запада и Востока знаменем борьбы за справедливую жизнь.

Колоссальная работа по формированию взглядов, убеждений молодого поколения выполняла за эти годы школы, педагогика, комсомол.

Школьные годы нынешних выпускников — необычные годы. Они охватили поворотом войны. Для многих из них они омрачены недетскими горем тяжелых потерь и изнаний.

Повзрослевшее большинство выпускников напряжено, с полным сознанием ответственности, работает, готовясь к предстоящим экзаменам. Их можно сейчас встретить в библиотеке, на лекциях в Политехническом музее, на «Ломоносовских чтениях».

Хорошее мероприятие проводит Московский государственный университет, устраивая дни открытых дверей для учащихся 10-х классов. С понятием волнениям вступают молодые люди в университетские аудитории, кабинеты и лаборатории, с которыми их знакомит профессор и консультанты. Московский университет гостеприимно раскрывает двери перед десятиклассниками. Многие из них мечтают поступить сюда. Еще замало до конца учебы они стали участниками проводимых университетом семинаров по математике, физике, химии.

Особенные средние школы ставят перед каждым выпускником вопрос о выборе профессии, специальности. Сколько увлекательных областей науки, техники, искусства! Везде их ждут благодарные перспективы творческих дерзаний и открытий. Мечты уходят далеко...

Инженер-изобретатель, воля и догадка которого создают новые чудесные машины, но много раз повиновавшие производительность труда. Учёный, проникнувший в табуированные тайны строения вещества, открывающий пути

извлечения колоссальных запасов энергии на пользу мирной жизни людей. Врач, побеждающий известных врагов человечества — страшные болезни, дарящий броский вызов старости и смерти... А разве не вахуку к себе удивительные достижения учёных — преобразователей природы, вырабатывающих новые злаки неизданной урожайности, плодосе деревья, ещё не известные людям? А музыка, живопись, ваяние, водостроительство. Разве не приятно думать о том, что, может быть, современнее шапши великим музыкантом или живописцем?

— Подходите в воскресный день в Третьяковский галерею, в Музей изобразительных искусств? Кого там сейчас больше привлекает? Не молодёжь ли? Вы да подростка уже омоло часа не отходит от репинского полотна. «Еще жданы. Они то молча созерцают картину, то громко, перебивая друг друга, спорят. В руках у каждого альбом для рисования... Может быть, это будущие художники?»

Еще бродят мысли, еще не приняты решения, не выбрана специальность. Обуревают порой сомнения в своих силах. «Иногда и душой, пролетая К. К. институтские залы во школе Москвы... что, куда бы я ни пошёл...» Везде горы свернул, а иногда начинает казаться, что ничего не сделаю.

Но какие бы сомнения и колебания ни возникли в молодой душе, для нашей молодёжи характерно стремление и порыв, искреннее желание быть полезным Родине. Не пустое пение славы и не погоня за «холодными местами» руководят ею при выборе жизненного пути. Почитают умственные сочинения, и вы получаете, что каждую строку их пронизывает советский патриотизм, горячее желание связать свою будущую работу с практикой, принести максимальную пользу родной стране.

Яна Козловская так формулирует решение пойти в медицинский институт. «Я всей душой...» пишет она, — «полюбила свою будущую профессию. Медицина стала моей самой любимой наукой. Больше всего меня привлекает в моей профессии, пожалуй, то, что тут ты всегда имеешь дело непосредственно с людьми, можешь оказывать непосредственную, прямую помощь человеку, облегчать его страдания, а часто и спасать от смерти. Везде у человека самое дорогое — это жизнь. А как часто жизнь человека находится в руках врача, целиком зависит от его знаний и умений».

Немало среди выпускников таких, которые уже сейчас твердо остановились на определенной профессии и серьезно готовятся к ней.

Вот Дима Докшин. Он сейчас в 10-м классе. Этот юноша, решивший стать геологом, исследователем земных недр, наиболее образует на себе внимание работников средней школы. Он во всяком заданию старается найти наилучший и наиболее исчерпывающий способ его выполнения, привлекает к работе дополнительные материалы. В нём уже сейчас проявляются задатки будущего учёного.

Как-то преподавательница химии предложила учащимся испытать способность древесного угля поглощать красящие и пахнущие вещества. Одноклассник Дима вынул для опыта готовый уголь из противня. Дима решил

поступить иначе. Узнав, что нынешней попутливой способностью обладает костный уголь, он насоборал костей, сжёг их и затем остатки превратил в порошок. После этого он достал неочищенный сахарный песок и стал работать с ним. Через некоторое время на столе Димы появился чистейший сахар.

Он составил также таблицу металлических сплавов, которая с полным правом может быть названа образной. На большой доске прикреплены вырезы различных сплавов, включая самые новые: вольфрам—ванадий и т. п. и наглядно показывающие процентное содержание каждого металла в сплаве. Здесь же приведены карточки выполненные рисунки и чертежи, иллюстрирующие применение сплавов в промышленности.

Юра Кузнецов, можно сказать, с молоком матери узнал склонность к профессии педагога. Мать его — директор школы. Ещё учеником Юра ведёт педагогическую работу в двух параллелях: как пионервожатый и как руководитель физкультурной группы младших ребят. Ту и другую работу Юра выполняет образцово, за что не раз премирован. Он пользуется исключительной любовью и популяризации среди ребят. Стоит только его крупной фигуре появиться среди малышей, как те бросаются к нему со всех сторон о радостными криками, инербероят спешат поделиться новостями. Юноша сумел пережить от матери и своих учителей то, что составляет секрет искусства педагога. Учителя прощают Кузнецову педагогическую будущность.

Трудно было учиться в годы войны. Клавде Степановна: отец ушёл на фронт, мать — неграмотная и не совмещая домашние дела — не могла обеспечить семью. Клавда, как старшая дочь, решила разделить с матерью труд по содержанию младших братьев и сестёр. Но отец оставил школу она не хотела, тем более что отец с фронта писал: «Дорогая дочка! Прощай тебе, не бросаю тебя. Знаю: трудно вам там без меня, но уж как-нибудь потужитесь, а в школу ходи...» Клавда до предела уплатила своё время и удержалась совмещать учёбу с работой. В школьном журнале против фамилии Степанович постоянно стоял пятёрка.

Каждая школа переживает сейчас страдную пору — она держит экзамен перед государством.

В нынешнем году получение аттестата зрелости выпускниками средней школы приобретает особый, знаменательный смысл. Этот год — год 30-летия Советской страны. Одержав невзвину в истории победу над самим страшным врагом свободы и человечества — фашизмом, Советская страна будет праздновать своё тридцатилетие. Этот возраст для каждого человека является порою полным расцвета всех его творческих сил и способностей. И питомцы средней школы, выходя на широкую дорогу жизни, труда и дальнейшей учёбы, должны смотреть на свой аттестат зрелости, как на залог того, что они крепко сложены со всем народом в великом лафесе труда послевоенных пятилеток, что всю свою молодую энергию, инициативу, знания, всю свою беззаветную любовь к Родине они отдадут делу быстрого построения коммунизма.

Лето.

Цветное фото И. Шагина

У ЦЕЛИ

«Кто труд—удовольствие, жизнь хороша!» Глубже этих горьковских слов я появилась, ещё будучи шестиклассницей. Неподалёку от станции Ухтомская (Московской области), где я живу с матерью-педагогом и младшей сестрой, находится союз «Глоба орошения». В этом союзе осенью 1941 года впервые, как взрослые, трудился мы, тогда ещё двенадцатилетние школьники на уборке урожая. Немецкие самолёты часто бомбили подмосковные поля. Но ни страх, ни усталость не могли заглушить переломившее меня новое чувство—радости и счастья: я работала трудней, я приношу пользу стране и фронту.

Враг подошёл к Москве. Школу закрыли, а нас эвакуировали в глубь Саратовской области. И там сознание того, что если работаешь с охотой и добросовестно,—значит, достоин жить, скрашило трудности военного времени. Колхозная комсомольская организация приняла меня тогда в члены ВЛКСМ. В первые годы войны учиться систематически в школе мне не пришлось. Но время не пропало даром: я самостоятельно прошла программу 7-го класса.

Этот период жизни мноюму научил меня. Теперь, когда война уже далеко пошла и заканчивается 10-й класс Люберецкой средней школы, я обладаю глубокой уверенностью, что добиваться своей цели можно в любых условиях. Пока что я стремилась получать аттестат зрелости. Это дало не легко, приходилось комбинировать с работой: надо было помогать матери. Начав вальс в кружке рукоделия, я постепенно стала работать в трикотажной артели, что явилось большим подспорьем в бюджете семьи.

Сейчас я у цели. Школа научила меня работать с книгой и привила мне любовь ко многим наукам. Близко всего моему сердцу артектика. В научном земледелии я вижу много хороших сторон. К тому же высокая урожайность полей—сейчас первоочередная задача, которую решают партия, комсомол и весь советский народ.

Наталья Чернышева, 1-я люберецкая средняя женская школа.

СЮДА ПРИЕЗЖАЮТ

УЧИТЬСЯ НА ГОДЫ...

Сюда приезжают учиться на годы Из края далёкой полярной погоды, От Чёрного моря, от синих морей, С уральских приносок, из

казахских степей...

И вот их столица взяла, zaczęла, Себя они чувствуют гостем значала, Но годы проморгали, и каждый потом Себя начинают считать москвичком.

На город он смотрит иными глазами, Но сданы уже самые последние экзамены, И повод везёт из Москвы москвичей— Юристов, певцов, инженеров, врачей, Везёт до Урала. Везёт до Ташкента.

Уже с назиданием. Уже не студентом. Тоскуют они по Москве в тишине, И славу развозят о ней по стране.

Включаются в край они, где им трудиться, Но помнят и любят родную столицу— И славит Москву на своём языке Милым москвичкой, но живущих в Москве!

СТАНУ МАТЕМАТИКОМ

Скоро нам вручат аттестаты зрелости. На выпускных экзаменах десятых классов мы будем считаться в знаниях, которые дали нам школа. Это явится проверкой того, насколько каждый из нас подготовлен к самостоятельному труду, того, как понимаем мы свои задачи и свой долг.

Первая важная жизненная задача, которую нам приходится самостоятельно решать,—это выбор профессии. Мы на распутье: каждый путь по-своему хорош, но и по-своему труден. Многие из моих товарищей набрали себе профессии, а некоторые до сих пор колеблются, раздумывают. Я не сочувствую, так как сам только недавно укрепился в решении стать математиком. Правда, я всегда интересовался этой наукой, однако меня пугала кажущаяся оторванность её от жизни, таинственность сложных математических формул. Теперь я знаю, что мои опасения были напрасны. Наоборот, в сложных технических проблемах математика имеет применение на каждом шагу, и учёные в своих кабинетах так же непосредственно участвуют в общегосударственной жизни, как и рабочие у станка. Я увидел, что путаться непонятного не надо: оно странно только издала.

Аттестат зрелости вручили нам в знаменательный год—год празднования 30-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Я и мои одноклассники родились в 1929 году: наше поколение пожинает плоды побед, завоеванных советской властью в течение трёх десятилетий. Теперь я мы выросли, чтобы своим трудом помочь эти победы.

Юлия Ризникова, 313-я мужская средняя школа Москвы.

НА ПОРОГЕ ЖИЗНИ

Вот и пришла пора, когда нам дружный школьный коллектив расстается. Все мы, стоя на пороге самостоятельной трудовой жизни, повторяем слова Николая Островского: «Жизнь дается один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Под этим девизом живёт и трудится советская молодёжь: во всей нашей необъятной Родине».

Аттестат зрелости—иная путёвка в жизнь. Нам особенно радостно выйти из школы сейчас, когда вся страна охвачена трудовым подъёмом, когда её особенно нужны знания, умения, культурные, образованные люди. Теперь каждому из нас остаётся решить, в какой области применить свои силы и знания.

Выбор так велик, что нетрудно растеряться. Когда я слушаю увлекательные рассказы моей матери, научного работника в области биохимии, мне начинает казаться, что только здесь меня ждёт захватывающая, паллиотворная работа. Но я спрашиваю себя, а что если бы моя мать была физиологом, или геологом-разведчиком, или специалистом в какой-либо другой не менее интересной отрасли? Пожалуй, её рассказы были бы не менее интересны... И тогда меня в восторг вводит желание посвятить свою жизнь работе с книгой. Я давно мечтаю поступить в географический институт, потому что всей душой люблю книги: они с детства мои самые лучшие, верные друзья.

Мрина Цыбакова, 654-я средняя женская школа Москвы.

В ЧИТАЛЬНОМ ЗАЛЕ

Андрей ДОСТАЛЪ

Свет из-под ламп струится, Томик раскрытый лежит... Вижу склонённые лица, Слышу, перо скрипит.

Здесь над листом бумаги Мраморный свет застыл, Чтобы, пилюнами вздрагивая, Висли стальные мысли.

Падают на страницу Прядь золотистых волос, Чтоб небывалой пшеницы Золото наполнило. Пусть не боится стружи Яблоневые сады!

Формулы платёнов кружево Вьются в руках молодых. Вот они, в жизнь идущие! Солменный день зовёт. Здесь стропальены грядущего Свои начинают попят.

Свет из-под ламп струится, Падаю на чертёжик, Входит мечта в страницы И начинается жить!

Паша

Рассказ

Рисунки А. Шувалов

Её, о чём говорил Сергей, для Тоси звучало по-особому. Ей даже не показалось странным, что ему тесно на таком огромном заводе. Её только бесконечно тугала мысль, что он может уехать. Об этом, конечно, он не узнает. Впервые, всё равно не послушает: упрямый. А во-вторых... Если ему не жалко расстаться, — что ж, она извиняется не станет. Она, конечно, будет жалеть его. Но почему он-то в этом так уверен? Беспокоился бы хоть не можешь...

Сергей передавал сожаление в её глазах и спросил подозрительно:

— Ты что, считаешь меня слабым человеком?

— Что ты! По-моему, ты даже слишком... Тосе хотелось выйти в нём какой-нибудь недостаток или маленькую слабость. И чтобы только она одна знала об этом. И чтобы Сергей нуждался в её помощи... Но Тося не находила в нём недостатка, и даже это желание Сергея уйти с завода лишь возмужало его в её глазах. Мелко это всё для него. Уедет.

Тося поехала.

— Забрела? Пошла, всё равно сейчас гулко будет... и Сергей выпрямился к серым колёсам прохладной, испытывая знакомое неприятное чувство.

Год назад, когда он пришёл на завод, этого чувства не было. Тогда хотелось работать. И хотелось — в этом он себе не признавался, — чтобы о нём узнали, заговорили...

Сергей совершенно неожиданно воспринялся станок. Полуавтомат, хорошо знакомый ещё в ремесленном училище, теперь, когда взошла в день и во что бы то ни стало через него нужно было пропускать определённое количество колёц, стал удивительно неподвижен. Вспрыгивая слы Сергей дикорядочно торопился. Торопился и думал: «Только бы не отстать, только бы вынуть второе заднее...»

Он чувствовал себя университетом. Как всё это похоже на мечту, с которой он пришёл в цех! Что же, значит, он бессиленый, серый теленок? Тося не знала его станка и ничем не могла помочь ему. Но её-то уж, во всяком случае, Сергей не считался бы в собственном бессилии. Слава Тоси его мучила. Да, да! Как ни смотри, а это была настоящая слава. В газетах писали,

ли,— чего ж ещё! И даже Матвей читал о Тосе.

Матвей захел доброй проездом с фронта в Академию. Об ордене и звании брата Сергей знал наизусть, но теперь он узнал то, о чём не пишут. Он увидел, как держится брат, услышал, как говорит он... А сколько городов они прошли, как перед ними раздвинулся мир и какая слава гремит о каждом!

Сергей неохотно был интерес брата к заводу, и Матвей это заметил.

— Гауп ты ещё, Сергей, не поминись мимоходом о заводе, и Матвей это заметил.

— Гауп ты ещё, Сергей, не поминись мимоходом о заводе, и Матвей это заметил. Матвей открыл дверь балкона.

С шестого этажа был виден весь завод. Четырёхэтажное здание заводоуправления — террасы среди бесконечных крыш цехов. Жёлтая осенней травой полузастраиваемая земля — рыжие затоптанные зарывшиеся в землю выданные. Закрылся туманом и похолодал. Закрылся туманом и похолодал.

— Матвей и сам не думал, что его прощание с заводом выйдет таким жалким. Он чуть-чуть не с каждым встречным злободил разговор и радовался, как мальчик, когда его узнавали.

— Да это же наш Матвей!

Из заводоуправления он пошёл по главному калитковому коридору, с удовольствием замечая, что помнит все ходы и выходы. Спустился в цех к своему мастеру, Матвей сказал уставу и счастью:

— Ну, Павел Ионыч! Вот я в присялку!

Павел Ионыч, высокий ступил старик, осторожно тронул пальцем занесённый шарм на матвеевом виске, крепко обнял и долго не отпустил Матвея. Потом сказал:

— Молодец. Хорошие токари — все молотки.

Он пошёл по цеху. Матвей исполнился восхищения. Видно, достало и ему за эти годы. В цехе прибавились новые лица, но всё осталось по-старому. И такой же мягкий от мускулины пол.

— В других цехах, говорят, на многотонно перешли. А мы, что же, хуже? — спросил Матвей.

— На подкоре торца заедает. И на проточке наружного диаметра.

— А, может, не заест? — упрямно сказала Матвей, вплотную подойдя к своему прежнему полуавтомату.

Отбросившая шуршащий ком стружек, токарь задел бровки Матвея. Торопливо, не глядя, звинялся, Матвей удивленно взглянул на него и только тогда вспомнил, что на нём не спецовка, а офицерский китель, и плел из порохом. И так же в заводе — это уж не его дело.

— Видел? — Павел Ионыч с гордостью показал парню на Матвея. — Вроде тебе мальчишка было, когда пришёл...

Матвей шёл по асфальтовой дорожке заводского двора. У облетевшей серены разговорившая девушка в чёрном халате и пожилой мужчина. Приближаясь к ним, Матвей оглядел девушку: хорошая фигура и говорит твёрдо.

Даже настоячно. Даже слишком настоячно, решил Матвей, принимая сторону мужчины, который возражал ей робко и нерешительно. Характерно, верно, у девушек — дома плачут! Тося заметила Матвея, замолчала и улыбуясь, асatically.

— Не узнаёте? Механика Фродовского... — Неужели Тося! — вскрикнул Матвей. Он ни за что не узнал бы её.

— Ну, небось, успела замаяжнаться? О чём это вы спорили?

Она была толкая, даже хрупкая, а кисти рук разработаны и сильны, как у парня; манера сидеть, во всяком случае, не замечает то, и неприятно. А если бы гордиться её своими руками, а не прятать их...

Ничего этого Матвей не сказал Тосе. Спросил, по-старому ли они дружат с Сергеем.

— Он в военную школу хочет ехать, — покраснела, ответила она.

Матвей пошёл: Тося ботиса, не его ли это совет, и не хочет, чтобы Сергей уезжал.

Когда Сергей вернулся с работы, Матвей Матвей был уже утомлен. На столе стояли бутылка, мисные консервы, хлеб и соль в трифальной маселке. На подоконнике — ещё три нераскрытых консервных балка.

— Отпустили, завата Паша Ионычу, у него именины, — показал Матвей на банки. — Это, — он протянул Сергею шёлковые чулки, — отдай Тосе Фродовской. От меня. А вот это тебе, — немного смурясь, Матвей передал активный дистик, — и тут кое-что нависла. Но проточку попробуешь. Может, конечно, и не выйдет, а если выйдет, смотри, напиши мне!

Сергей излохото смурясь в карман чулки и в дистик. Севал к столу. Матвей впервые чокуился с ним, как с равным.

— В военную школу хочу я, Матвей. В артиллерийскую или в морскую, — выдохнул Сергей, глядя так, будто только от брата и зависело решение.

Сергей захмелла невозможно. Всё стало легче и проще.

— Ты в морях, двудой в морях, а к станку кто?

— Ну что другое! Ты вот себя сейчас не видишь. У тебя, Матвей, даже плечи развернулись...

— Как же это ты так легко бросил своё дело? — сдержанно сказал Матвей. — Потомствения, можно сказать, рабочая семья. Отец токаря был я, сам ты второй год работаешь. Неужели, Серджиан? Матвей с любовным вниманием вглядывался в лицо брата, — неужели ты к своему станку ни в крохи не привык? Неужели тебе всё равно, чем он звиняваться?

— Да ведь не завод-то निकого да пошло. Матвей!

— Мальчишка! — Матвей выдвинул кулаком по столу; синий шар его побрызгал; жалобно звякнула ножка на тарелках. — Ишь, как легко ты о заводе... Ветер дует, а любовию в полуха, а полуха! А мне какжана триндцать кирпиче вилена. Когда я сода пошла, тут подел картофельное было да вез из свалках дравелье. И только лишь красная брелка, тут только цех будет, тут чайко-то... Приехал тогда на это поле полторы тысячи ребят, олеить во что пошло, и сказала им: «Хотите учиться? Работать хотите? Стройте учебный комбинат!»

Матвей замолчал, растерегуя ворот кителя, отошёл к окну. Притихшее было за стеной соседство успокоилось в заговорилив шлово.

— Можешь ты понять, что мы построили вали котом, когда спустились первую очередь цехов

и нас первый раз поставил к станку?—Матвей встал и встал, двинув рукою, закусил и лёг на диван.—Я вот сейчас боюсь за пех более, чем ты, а разве это порядок?—магко спросил он, стесняясь своей горечью. Сергей молча пошёл к нему. Матвей пригладил его жесткие, прямые волосы: — Вот ты и взрослый парень, а мне всё кажется — маленький... Ну, ведь не маленький и с голым, уродливый... голый, другой, если драться станем,— не слажу,— и, вспоминая вдруг покосные глаза Тоси, сказала строго, почти грубо: — А Тосю... Смотря, беречь её!

Сергей удавленно поднял голову. Потом поиня, покраснев, ответил зло и раздельно: — Вот уж это ты зря! Я не тактик! Это поправилось Матвею. Ночью он уехал. Сергей почти не спал. С полмаленького утра началось мутное, вихорное. Все соеда притивались, по пятнадцати штук, столки уже стояли обточенные детали. Сергей затерялся зайти пневматическую патронную помпую, но колесо, как на зло, становилось в патрон с заметным даже наглаз перекосом.

Подходя браковщика-учётчица. Заглянув через плечо, Сергей увидал против своей фамилии обидно маленькую цифру. Он усмехнулся, хотел свистнуть бесшабашно, но губы пересохли и получилось тихо и жалобно. С трудом дотавил смею, он победил домой за банками для Павла Ионича, чтобы успеть к нему раньше, до прихода гостей.

Сергею открыла бабушка Агрипина, жена мастера. В коридоре пахло гестом, в комнате стоял закрытый стол. Толстые янтарные бусы висели на стене. Павел Ионич сидел на диване в новом, много лет назад шитом пиджаке: от ажалых сидлок его несло инфляционным. Большие руки мастера, как самостоятельные отделившиеся существа, покойно лежали на коленях.

— Ну, что скажешь? — похвалился столом Павел Ионич.

Сергей поздравлял его. Старик отбил банки жене на кухню и, довольный, вернулся: — Сейчас народ подойдет. Поздравят — да по маленькой. Старичку-мастеру почет!

Сергей раздражал всё это и фиксус с касторкой и смешился надале — ну, я самом деле, разве мог быть такой у военного?

— Павел Ионич! — перебил его Сергей. — Помогите мне с завода уйти. Не по мне это дело.

Не понимая, старик посмотрел на него и перестал улыбаться:

— То есть как это, не по тебе? Работа хорошая? Смыслишь, мать? Бабушка Агрипина бесшумно входила и выдохнула, делая своё дело, и не вмешивалась в разговор мужчин.

...ую жизнь у одного станка, на одном заводе... — продолжал Сергей. — Ну, применишь к изменкам пиджака, да — по маленькой. Как не жалост!

Тут только Павел Ионич понял, что Сергей не только без восторга, жестоко обманывая почти относится к его торжеству.

— Закрой форточку, мать, — помолчал, просясь оно — Значит, так... Хочешь уходить. А завод?

— Да завод и со мной всё равно программы не выполняет! — жестко сказал Сергей.

— А раз не выполняет, — значит, бросать? — густо покраснев старик. — Как курсы? Завод тебе что, маленький? Он тоже завод! Ты, наверно, болонку жену любить не будешь? А я вот люблю. Ночью не спал, а выходил. И завод... Весь этот вот ружьями, — он поглядывал на свои руки, — и, и горюешь эти.

Павел Ионич замолчал. В комнате водворилась такая недобрая тишина, а которой всякой движение и даже дыхание собственное слышны было велико.

— Раз у тебя такие мысли, — после долгого молчания тихо сказал старик, — значит, все твои поздравления — одна фальшь. А я всё равно горжусь, да...

Сергей опомнился уже на лестнице: он ли перед собой старого, жестоко обманавшего им человека. На него нахлынула мучительный заподозленный стыд. Как растерялся старик, когда линул он про пиджак и про немешину! И, как-то, даже заметил и попытаться распрямить

складки! Сергей сморщился, как от боли, и побежал вниз, боясь встретить знакомым, словно на каждый по лицу его мог поинять, откуда он идет и что он сейчас выделал.

Морошно. По земле крутились кожанки позышки. Ветер сердито рванул пальто и обсыпал его ледяными ладонями. Сергей ещё вспоминал, осень серок первого года. Тогда он также выбежал на улицу, растерянный до испуга: останавливают завод, подводят ветку прямо к цехам, грузят станки! А ремесленники? Если — в палы, так он не поладит. Сергей было вытаращивался. Он стоял и с ужасом чувствовал: совершается что-то самое важное, а он никому не нужен, и всё пронесёт без него.

Через неделю или две завод пустая снова. Поперек сквера поставили противотанковые сжи из рельсов, и в темноте, напорившись на них жакетом, Сергей, один на пустом сквере, гурчал громко, как рассерженный хозяин: — Безобразие, можно нога переломать!..

Сергей растерянно оглянулся. Сейчас он поистинному остался в стороне. Чего-то он не подумал. Не сумел.

★

Тосе хотелось при свете показаться Сергею в новой шубе, а она оторопела, когда ей передали, что Сергей идет её у подвала. Она сошла с лестницы счастливая: на улице выло и снег, а он всё равно жидёт её. Как всегда, увидав его, она растерялась: так это было хорошо. Они подождали за руку, оба сияли пернатки. А потом Сергей взял Тосю за локоть — сейчас она пойдёт мешками шажками, а Сергей будет бережно приподнимать к её походке свои большие шаны.

Тося не сразу заметила, что говорит она одна. Она встревожено зыгнула ему в лицо.

— Мы не пойдем сегодня и кино, Тося, — не глядя на неё, сказал Сергей.

«Что-то случилось!» — поняла Тося.

— Мне нужно поговорить с тобой так, чтобы не мешался, — нетерпеливо повторил Сергей.

Может быть, они зйдут к нему? Тося промолчала. Они давно условились, что whenever она к нему заходить не будет. Это неудобно. Нет, а кино он не пойдёт; там много знакомых.

Они стояли перед огромным пустым сквером. Поэтика улеглась. В воздухе появились пушечные белые хлопья, и как будто придаленный им к земле, ветер стал утихать.

— Пойдем сюда, — Сергей, не дожидаясь ответа, пошел к брошенной до весны будочке строка.

Они шли на узенькую скамью — чинно, как будто на жердочку. Тося испуганно оглядывалась в темноту, но густой, колышущийся занавес замигался, отделив их от освещенных домов, от мебели — и они, одни в фантастической коробочке, медленно поплыли по гуерной бело-му морю.

— Я должен уехать и начать всё заново. Ведь я совсем не такой, как ты думаешь, — Сергей с трудом выговорил это. — Я, может, и не уехал бы... — он занавес и опустил голову на руки. — Но здесь у меня ничего не получится. Скамью и мучался на этом станком! Скамью здесь, придумай! — Сергею казалось сейчас, что он действительно много думал и придумывал, и он ступнул кулаком по колену. — Что и здесь? Средненький рабочий! Брат малора-орденосец? Ты только подумай, как мне это слышится! А ты, ну разве ты можешь долго любить такого, какой сейчас? За что меня любить!

Тося слушала ошеломленная. Огромная, всеобъемлющая жалость и нежность переполнили её существо. «За что? — она улыбаясь со страннм чувством собственного мудрого пренебрежения. — Глупый! Она легко коснулась его шеи.

— И разве не обидно, — голос Сергея стал почти злым, — разве не обидно, что и не смог, а ты, девочка, баба, смеешь. Ты каждый день расскажешь мне про какие-то свои дела, а я ни в чём не могу помочь тебе!

(Окончание см. на 10-й стр.)

Он увидал Павла Ионича — учёщица о чём-то говорила с ним, показывая на Сергея...

День за днем

Фотохроника жизни молодежи

Снимки Л. Вильчинского, Г. Воронова, В. Егорова, Н. Караваева, Б. Кириллова, Н. Клишко, Е. Копыта, П. Луценко, С. Миронова, А. Фатеева — Фотохроника ТАСС; Б. Миронова, А. Никифорова.

↑ ДЛЯ ОГОРЦОВ

Двенадцать гектаров занимают огороды Ново-троцкого сахарного завода (Фрунзенская область, Киргизская ССР). В парниках для них молодежь выращивает рассаду.

АГИТАТОР В ПОЛЕВОМ СТАНЕ ↑

Ежедневно в полевых станах колхоза имени Кирова (Центликовской район, Грузинская ССР) комсомольцы-агитаторы устраивают читки газет. На снимке к: комсомолка Тамара Манаршвили читает газету колхозникам.

ЛУЧШАЯ БРИГАДА РАЙОНА
Молодежная бригада электросварщиков завода «Электросила» имени Кирова, возглавляемая В. Стульниковым, — лучшая в Московском районе Ленинграда. Она уже выполнила годовое задание, завоевав передовице звание райкома ВЛКСМ. На снимке (слева направо): Л. Петров, В. Стульников, С. Дмитриев, А. Серов и В. Лобанов.

В ДНИ СЪЕЗДА

В апреле в Петрозаводске состоялся II съезд комсомола Карело-Финской ССР. На снимке: группа участников съезда, делегатов Сегейского района, осматривает выставку картин художника Г. Стронк.

МОТОКОСС ИМЕНИ ВОРОШИЛОВА
состоялся в конце апреля в Измайлово (Москва). Блестящую победу одержала команда мотоциклистов общества «Трудовые резервы», занявшая первое место. На снимке: гонщик преодолевает водный рубец.

ГODOVЫЙ ПЛАН И 1 НОЯБРЯ

обязалась выполнить молодежная бригада, которой руководит комсомолка Л. Косырева (Ореховский хлопчатобумажный комбинат имени Никольского). На снимке: бригадир Л. Косырева осматривает готовую ткань.

СОБЫТИЯ И ДАТЫ

16—30 АПРЕЛЯ 1947 ГОДА

ГЕОЛОГИ ЕДУТ В ГОРЫ...

Лето — пора научных экспедиций. В поисках новых месторождений полезных ископаемых геологи отправляются в далекие, малоизведанные места страны, изучают уже открытые залежи. Наш снимок сделан в горах Киргизии. На фото — группа геологов, едущих на разведку природных богатств республики.

На снимке — учительница-комсомолка Т. Васильева. Она ведет активную агитационно-массовую работу в колхозе имени Обороны (Каменище, Подольская область, Украинская ССР). Сейчас, когда идет напряженная борьба за высокий урожай, Т. Васильева — частый гость в полях стахановцев.

Около 5 тысяч студентов сельскохозяйственных учебных заведений направлены в колхозы для помощи местным агрономам в дни сева. На снимке: студенты Тимирязевской выделки комсомолки Зоя Коломина (слева) и Ирина Ивановна, участвующие в Калужскую область.

Молодые производственники Одесского судостроительного и судоремонтного заводов имени Марти участвуют в соревновании в честь 30-летия Октябрь. Хороших показателей в соревновании достигла комсомолка-сварщица Мария Харациди (на снимке).

УЧАСТНИКИ ПЕРВОМАЙСКОГО ПАРАДА

На нашем снимке — пётчих одной из звеновочных частей, принимавших участие в переромской параде в Москве, — подразделение полковника П. Сухачева. 1 мая они пролетели над Красной площадью, демонстрируя мощь сталинской авиации, мастерство советских пилотов.

● Председатель Совета министров СССР И. В. Сталин и председатель Совета министров Федеративной Народной республики Югославия И. Броз-Тито обменялись приветственным телеграммами по случаю второй годовщины вступления в силу Договора о дружбе, взаимопомощи и сотрудничестве между СССР и ФНРО.

● В Варшаве во второй половине апреля прошёл международный пионерский туристический слет дружбы стран. В нём принимали участие советские просветители П. Смоляк и И. Яковлевский.

● ЦК ВЛКСМ принял решение об участии комсомольских организаций в социалистическом соревновании в честь 30-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Краткое изложение этого решения напечатано в газете «Комсомольская правда» от 17 апреля.

● XVI сессия ВЦСПС работала в Москве с 17 по 22 апреля.

● В Центральном комитете ВЛКСМ состоялось совещание молодых рабочих — пионеров социалистического соревнования в честь 30-летия Октябрь.

● 18 апреля в Москву прибыл секретарь по заграничной торговле Великобритании Дж. Г. Вильсон с группой сотрудников для обсуждения вопросов торговли между СССР и Великобританией.

● МТУ ВЛКСМ совместно с Всесоюзным учебным бюро Министерства высшего образования СССР провело для комсомольской интеллигенции школы лекций о жизни и деятельности товарища Сталина. 19 апреля телекорреспондент Анатолий Якут СССР И. Н. Понделов прочитал лекцию «История жизни и работы товарища Сталина».

● 19 апреля председатель Совета министров СССР И. В. Сталин принял делегацию правительства Югославии в главе с М. Карловичем.

● 19 апреля 19 апреля опубликована корреспонденция из Челябинска о целлюлозно-бумажном заводе имени Александра Иванова. Приведены методы обслуживания и совершенствования технологии и организации над рационализаторских мероприятий, на достижение которых выданы производственные задания рабочим в увеличении мощности оборудования.

● В Москву вновь председательство пребывания в Чехословакии коммунисты. Делегация советских профессоров.

● Председатель Совета министров СССР И. В. Сталин и председатель Совета министров Польской республики Ю. Циакиевич обменялись поздравительными телеграммами в связи со второй годовщиной вступления Договора о дружбе, взаимопомощи и сотрудничестве между СССР и Польшей.

● 22 апреля в газете опубликован текст шлем на похорону в Корею, который обещались Государственный секретарь США Д. Маршалл и Министр иностранных дел СССР П. М. Молотов.

● Всероссийское совещание по народному образованию открылось 23 апреля. В повестке дня совещания — вопросы о подготовке школ к новому учебному году.

● 24 апреля завершился Московский съезд Советов министерств и ведомств РСФСР, проводившийся полтора месяца.

● Союзный Центральный комитет управления РСФСР об итогах выполнения государственного плана восстановления и развития народного хозяйства СССР за 1947 год. 1 мая опубликовано газетой 28 апреля.

● 28 апреля в Ленинграде, приглашённый ВЦСПС, прибыла делегация профессоров Чехословакии.

● Исследовательское совещание директоров стальных вышек натуралстов состоялось в ЦК ВЛКСМ.

● В Москву приехала делегация Общества норвежско-советской дружбы во главе с министром культуры и просвещения Норвегии Гном К. Фостером.

● Приехал ЦК ВКП(б) и 1 мая 1947 года опубликованы в газете 28 апреля.

● Делегация Общества культурной связи Албании с СССР во главе с председателем Общества министром культуры Народной Республики Албания С. М. Шибри прибыла в Москву 28 апреля.

● С 26 по 28 апреля в Москве проходили расширенный заседание президиума Общества писателей.

● В СССР приехал Генеральный директор НИИРФА генерал-майор Лозалд У. Рузостанович. В работе второго конгресса свободных писателей профсоюз советской войны участвовали, проводившаяся в Москве. Конгресс проходил в Варшаве с 17 по 19 апреля.

Молочка

(Окончание. Начало на 6-й стр.)

— Ну, вот и всё! — Сергей сник горькое колымо. — Теперь замерить — и всё. И ничего тут больше не придумаешь.

Он наклонился к люстре. Там было подчёркнуто черное «С! Сила! Пасть следующую. Пусти! Потом замерять!».

Сергей недоверливо вскинул. Потом покажал плечами: «Ну что ж, если правильно закрепили... Реальное не ошибется... С неправым, конечно, страшновато».

Он всё-таки закрепил новую поковы, пустил станик и решительно отвернулся от него к измерительному прибору. Как неприятно слышать, что станик работает в это время! Один рабочий Сергей усмехнулся, заинтересованный: «Ну-ну!» Он замерил колымо в и любовно-том улыбнулся. Станик уже закончил для него два замера. Сергей подошел к станику, терпеливо замерил колымо — оно лежало строго в допуске.

Поразивший Сергей молча простоял у замочной скважины. Как может быть, полагать, стала физически ощущая крошечный кусочек времени, который он сэкономил сейчас. Ему рассказали, что все еще замки, упреждённые нежиданным изломом.

Это было так несомненно просто, что удивительно, как он сам не нашёл раньше эти драгоценные секунды. Где-то, в каких-то, пока неизвестных, но, несомненно, существующих комбинациях, скрывались ещё секунды экономии. Нашёл же он сейчас оули!

Сергей теперь всё время чувствовал присутствие этой найденной минуты. Вот ещё, ещё! Она оставалась лишнее колымо. Как на счётка: щелчок — копейки, копейки, а на каком-то участке уже рубль!

Сколько же лишних колен получилось. Сергей сосчитал, конечно, не мог, да и не старался. Его восхитило само чувство власти над станком, который работал теперь почти непрерывно. Сергей вынул колымо, отложил также момент, когда можно было освободить мышки и внимание — отдохнуть, — и долго не чувствовал усталости. Прокресты были эти незаметные секунды. Сергей вынул колымо и противно бурчался в него и выключил колымо.

Он не заметил, когда взошла косая колонна солнечного света и кончилась смена.

— Ты же больше, — сказал сменик. — Больше? Или устал?

Сергей удивился, но потом решил: верно, он правда устал, надо пойти поспать. Ему захотелось погулять на воздухе, которые он сегодня выточил. Сергей прошёл к станику, где колыма растягивали уже внутренний диаметр.

Он смотрел на них со странным чувством собственности: какие чёрные, шаровые пришли они к нему, а вот какие шаровые ушли! Сергей присел. В зеркальных поверхностях отражалось его расплывшее лицо, и в каждом колыме он себя.

«Ах, мальчишка! — пристылил он себя и, поднимаясь, оглянулся: не заметил ли кто-нибудь».

Он увидел Павла Ивановича. Убедившись о чём-то, Павел начал показывать на Сергея.

«Павел Ильич подошёл, глядя на него пристально, с удивлением и любопытством. Сергей прекрестился».

«И ты трактор! поддул! — сказал старик — Ничего колеси!»

— Ничего! — тихо отозвался Сергей.

Он вынул ватник и пошёл. Это-то важнее и холоднее: конусом его пальцы: чулки так и склеились и поехали. Сергей пошёл, как обрадуется им Тося. И хорошо, что есть о чём написать — Станке. В шее, кажется, уже знает, но — матовое дело! — сейчас это мало занимало Сергея. Главнее было в том, что он и шёл и в изобретательстве в долгие и одиночные рабочие часы.

Что знает, может быть, это и есть, что так неожиданно изобрел Сергей? Сетевым чекану: постое тяжёлого, упрямого труда оцелишь, что материал — сталь, камень или сточка ства — покоришь тебе и отдал всё, что ты своей власти. Сетевым чекану.

Сергей шёл, с пытливым любопытством разглядывая людей: как-нибудь, наверное, кто-нибудь шёл, шёл и выходит!

После световой ночи воздух был чист. За Москвитной рекой, восточном балком, за обрешёткой перья, сиделось багровое морозное солнце.

Тося отдернула руку и насторожилась. В последних словах она почувствовала настоятельную наглость. Недаром здесь голос у него изменился. Сергей отнял её плоско, прикосновение только теперь, когда Тося отняла руку и шею стало холодно. Тося вздохнула и твёрдо, навсегда решила: надо, не надо — она будет протест у него совете, твёрдо, само. Он может быть спокоен! Теперь он всегда будет слышать её.

— Ты обиделась? — пытался он рассмотреть выражение её глаз. — Ну, ты, обиделась! Он, Тося! Как и сегодня обидел Павла Ильича! — вспоминал он вдруг. — У меня даже с людьми здесь не получается. А ведь я не такой! Я же знаю, что могу нравиться, тогда я не такой!

И он опять заговорил о военной школе. Тося слушала молча. Всё это казалось ей поправимым, если бы он был немыслимо терпелив! Она почувствовала аргумент раздражение: «Баба, смейся!» Почему он смеётся, что ей легко удалось это? Почему он так легко бросает, если думал и придумывал? Вообще, почему он так легко всё бросает?

— Обидером хочешь быть? — такой резкий тон был у Тоси на работе, когда она очень сердилась. — А на войне, если тебя на одном участке побьют, тоже бросишь и побежишь на другой?

Сергей мгновенно стало жарко. Если уж он пошел...

— Я думала, ты уходишь, а ты просто бегешь с завода. Ну, пусть и так не получается, а почему ты ещё не пробуйшь? Хорошо, я баба, девочка, но я упрямее тебя. А я хочю, чтобы ты был больше. Не только ростом больше!

Сергей смотрел на неё почти с ненавистью, с трудом сдерживая желание загнурить и вернуть ей, любым способом, собственную боль, гнев и обиду. Он-то мог ей рассказывать о своей слабости, он доверил ей. Но как она могла, как она смеяла соглашаться?

— Ты просто хочешь удержать меня здесь! — отфыркала он каждое слово.

Тося вздохнула.

— Нет, Сергей! Честное слово, нет, — не ожидало тихо сказала она. — Что ж, попробуй. Я буду ждать. Ждать, может, долго. Будно бы колымо... — она старательно сбрасывала с колен елочные хлопья, а она снова садилась на рюкзак, на шпильку.

— Ты плачешь?

Тося отворачивалась. Сергей ставил её за плечи, за локтя, за плечи, обнимая руками осторожно повернул к себе её лицо. Решения были теплые, морские.

— Это синяк твой? — прощентала Тося.

— Да. Он сохнёт.

Сергей положила на своё плечо её голову, плотнее заглянув шубку у неё на коленях. Он усаживал своё сердце. Оно билось полно, нетерпеливо, как будто прощало тесно в его теле. Приблизившись вплотную к товскому лицу, Сергей прошептал, с удлинением поостр-том:

— Ты даже сама не знаешь, какая ты тяжелая...

Он обомлялся и медленно отбел руки. Всё медленно возвращалось на своё место.

Свет погасил тосю, а в колыме, семёвкам, кустарьям! Они почти веде потушки. Стало тихо и бело.

— Ты не сердиться? — спросила Тося. Сергей не гадая, отрывисто вывел её пальцы и покал. Ещё некоторое время он сидел молча, отвернувшись.

— Серёжа, поминишь, ты говорила, что у дупи — пятна, как у отодвинутой собою пидур-тер? — Тося хотелась, чтобы он заговорил или засмеялся.

Сергей опять молча покал её руку, но чего-то в этом покалти не было. Просто он давал посто, что не сердится.

Сергей помог ей встать; Тося пошла молча, чувствуя себя маленькой и в чём-то виноватой. Домой он пришёл совсем спохобный. Спать посто, он хотел. Неожиданно огля, он лёг наспина. На память приходили смешные и маленькие воспоминания. Вот заколотила вода в кухонном кране. Раньше он думал, что это ветер жавит и касковет в водопротек — где ещё жавит и городе ветру?

По полу протянулись дупина дорожка. За тонким стеклом делала большая снежная ночь. Соинки выдвигали лезвие пилы. Сергей закрывал люстру; ему показалось, что его уже качает в вагоне, поезд режет надвое колырину землё и всё сегодняшнее и него поазды, за этой снежной ночью.

Он всё-таки заснул и проснулся по привычке с семь.

Сергей пошёл на завод, испытывая странную горькую лёгкость: всё решено. Собственно говоря, всё сделано. Но свобода эта была какой-то постыла. Как будто отрезала большой палец. Уже не больно, но и пальца нет.

В шее ему захотелось каждому сделать два знака, чтобы забыть, такое, чтобы потом, когда его уже забудет, о нём хорошо вспоминали.

Он даже решил, что уложит минутку, заместит старика оного и извинит перед ним. Конечно, после того, как получит расчёт, и в то же время — только этого нехватало! — может статься, что забудет.

Теперь, при расставании, даже к станку пропала всякая привязанность. Ну, чем, в самом деле, Хороня, всё сделано. Но свобода эта была какой-то постыла, что он с ним не справился! Хороня, умная машина. Сергей старательно прощентала, что он с ним не справился! Хороня, умная машина. Сергей старательно прощентала, что он с ним не справился!

С утра, как обычно, работало хуже. Когда ручья «размелился», Сергей вынул из кармана листок с записями Матвея и положил их перед собой на станок. Пусть и это поручение будет выполнено!

Он включил фрикцион. К зажатой патронном поковы торопило приглянулся рези. Сбежала пружинистая синия стужка. По следом первого поковы второй, резина матовый. Он сдвинул ручную дорожку жогру колыма — синя фокосу. Сделав своё дело, оба реза торопило оттолпи от готового колыма и скронно оставались в стороне. Станок чуть слышно шелестил а замор.

Николай НОВОСЕЛОВ
Весенняя путина

В заливе рыбью тронуть плеса.
А дальше — берег, узкий и зелёный.
Тяжёлые, тугие веруса
Проплывай бурой и водой солёной.

Измученные рыбой рыбаки,
Скрябание в толще и зноя,
Упрямые восток и запад реки,
Упрямо ломают тростники,
Шуршащие о днище смолёные.

И а сейчас подумал о тебе,
Открытой солнцу, лёгкой и счастливой,
Что ты отражена в мой судьбе
Как это утро в глубине залива.

Таш Моңғоло

Скорый поезд Москва — Алма-Ата останавливается в Джамбуле, древнейшем казахском городе, возраст которого достигает пятидесяти веков. Джамбул — центр огромной области, где при советской власти возникли мощные отрасли индустрии, создана новая база сельского хозяйства. Пустошьские веками земли, по которым коневоды переносили стада овец, превратились в цветущие берега ирригационных каналов, в сады и виноградники, в плантации сахарной свёклы, кукурузы, конопли, махаира. У подножья хребта Кара-Тай в первой год послевоенной пятилетки пущены огромный горно-фосфоритный комбинат, призванный добывать фосфориты для минеральных удобрений, из года в год повышать урожайность колхозных и совхозных полей Средней Азии.

Наступление на пустыни, предпринятое в Джамбульской области советскими людьми, осуществляется последовательно и независимо. Длже Муюн-Кумы, заслужившие печальную репутацию мёртвых рек, нашли применение в народном хозяйстве. Огромная территория этой пустыни используется для отгонных пастбищ. Оказалось, что среди сухих рек есть участки с пышной растительностью, где скот всю зиму может находиться на подножном корму. Муюн-Кумы стали мощным комбинатом животноводческой продукции, откуда страна получает ягненок мяса, бараны, шерсть и кожу. Необжитой осталась лишь северная часть Джамбульской области. На административной карте там не нанесено пока ни одного населённого пункта. Но и туда уверенно и быстро продвигается самое скоростное пустынь, станция, в небольшом самомодном доме, размещено учреждение, которое гордо именуется почти по-английски «Штаб Ижолевых». Здесь базировалась экспедиция, возглавляемая профессором Дмитрием Ивановичем Ижолевым. Больше двадцати лет посвящено им изучению величайшей пустыни Казахстана, названной в их честь Бет-Пак-Дала, что означает Голубая степь.

Бет-Пак-Дала входит в Джамбулскую, Карагандинскую, Южно-Казахстанскую и Кзыл-Ординскую области. Пустыня занимает площадь, превосходящую по размерам территорию Греция, Бельгии, Дании, Голландии и Швейцарии, вместе взятых.

Мы хотим ввести эту удивительную пустыню — спустя меня после продолжительной и увлекательной беседы профессор Д. И. Ижолев.

Безусловно!
На другой же день небольшой самолёт поднялся в воздух, взяв курс от Джамбула, от праторай Таш-Шан, на север. Голубой каюккой поблеснул Талас, чьи воды, разливаясь по бесчисленным аркам, орошают сотни тысяч гектаров земли. Под крылом самолёта проплыли вулканы и глыбы, связанные желтыми лентами дорог. Широкой зыбкой полосой раскинулась под нами Муюн-Куми, гдe, в оазисе, у

колдобы, чёрным многометром обозначилась гигантская степь овец и коз.

А вот и южная граница Бет-Пак-Далы. Самолёт влет на реку Чу, перламутровые воды которой поблескивают сквозь необозримые заросли камыша. Д. И. Ижолев смеётся на поводу реки и стараясь переключить мотор, рассказывает с увлечением...

Он говорит об открытии, сделанном им в результате многолетних исследований. Полюдове на Чу достигает апогея не весной и не осенью. Редка развивается здесь, у своего впадения в песок, в пустыню, на десятки километров в змиевые края. Оказывается, наводок возникает от подземных вод, рождённых долинами Таш-Шан-Кумов, эти воды попадают сюда только к зиме. Шельф подземный бассейн обнаружен учёным и под Муюн-Куми.

— Из своего открытия Ижолев делал практический вывод. В нивьях Чу, где сейчас безлюдно и пустынно, можно создать ислпольное водохранилище—Чуйское море,—обильно питаемое подземными источниками. Длина его составит 40 и ширина 20 километров.

Для создания водохранилища предполагается использовать и другой каприз природы. Наблюдения Ижолева установило, что в Бет-Пак-Дале — с юго-запада на северо-восток — в течение тысячелетия начал подниматься новый хребет. Будущие гребни хребта уже обозначились. Они раскрасили нивья Чу на три части, образовала естественные высокие платины длиной в 1 километр. Для создания водохранилища потребуется соединить эти естественные платины двумя земляными дамбами. Чуйское море, по расчётам профессора, сможет орошать около 4 тысяч гектаров Бет-Пак-Далы, превратит их в посевы зерновых и технических культур, в сады и виноградники, в прекрасные пастбища для скота.

Пустыней будет тогда Бет-Пак-Дала! — кричит Дмитрий Иванович. — Впрочем, она и сейчас не так-то уж плоха, как о ней многие думают...

Под крылом раскинулся Бет-Пак-Дала. Плоский степь изменился. У растительности безбрежной равнины появился неповторимый пыльный оттенок. В кинофильме ковер огромных белыми пятнами причудливо вспрыскивало облаками.

Самолёт приземляется в Камангке, где расположен лагерь геологов. Здесь же построены домики метеорологической станции, небольшой камушек которой зимой и летом ведёт наблюдения, крайне необходимые для составления прогноза погоды в нашей стране.

У платок геологов навалены хворост. Быстро разводится костёр и за пыльной дымистой стая завывающей дождя беседы.

Геологи уже хорошо изучили Бет-Пак-Далу. На её окраинах — в Вальхале и Джезказгане — имеются открыты залежи меди. На севере обнаружены Атаусайское месторождение железных руд — ценная сырьевая база для чёрной метал-

лургии Казахстана. Недра пустыни хранят залежи олова, свинца, вольфрама, молибдена, каменного угля, газа, каменного соли. Удивительно найденные здесь самородки — сердолик, яшма, горный хрусталь. Мрамор Бет-Пак-Далы — железный и розовый — найдет применение на новых станциях московского метрополитана.

Геологи — пионеры освоения великой пустыни. Следом за ними сюда пришли строители, металлурги, горняки. Яркое горят уже Вальхаха и Джезказган. Каракайя и Атаусай — Бессая у золота ходят за полном. Над степью рассеивается золото звёзд. Геологи рассказывают о своих путешествиях по Бет-Пак-Дале, о валах и открытиях, о великих трудностях, культуру, мирно возникающих на их пути. Маэтры, города, мёртвые, заброшенные саманные кибитки — немые свидетели малоизученного прошлого этой пустыни. Кто знает, насколько близко мы поставили пошнуть эту степь? Чума ли прокаталась по эти местам, голод? Развалившиеся коварством степи, люди ушли отсюда со стали, с юртами и назвала её Голубой степью — трижды проклятой выжженной солнцем, лишённой воды. Потребовался напряжённый труд советских людей, чтобы расцвести эту неблагодатную. Исследования геологов доказали, что Бет-Пак-Дала не только плоха. Здесь много ключей и нет места, где колдовья надо бы быть глубже, чем на полтора метра.

А как победит фауна Бет-Пак-Далы! — говорит биолог.

Он бежит к палатке и возвращается оттуда с крошечным существом в руках. Размером оно с мышью, а видом — настоящий медведь. Это животное, открытие в области зоологии! Это селевния. Мы назвали так миниатюрного медвежонка в память Селевния — беззавоеванного слоненята Бет-Пак-Далы, погибшего здесь от воздействия сухих ветров и жаркого солнца. Селевния питается скорпионами, тарантулами, фалангами, с аппетитом кушает каракуртов и змей...

Гости в Камангке — явление редкое. Потребуется же и уцелевшие люди, и животные своими впечатлениями, наблюдениями, естественно, велика. Биолог продолжает рассказ торжественно и скромно, как бы опасаясь, что нечто предвещает катастрофу. Мы должны оторваться от такого рассказа, даже после дня трудного воздушного пути!

Животный мир Бет-Пак-Далы богат и многообразен. Здесь обитает около двадцати голых и сухих. Огромными таясьгами, насчитывающими 150—200 голов, являются сайга — древнейшее животное земного шара. Некрасное, но выносливое, оно способно бегать со скоростью автомобиля. Расстояние в 500 километров сайга преодолевает за 6 часов! Казахи считают, что рога сайги обладают целебными свойствами. Какими только птица нет здесь Орлы и Беркуты, диканы и дубовки, галки и бугаи, дрофы, буйволурия и дилпи... Днём и ночью звенит степь от неумолимого грома пернатых. Птица неуязвима, доверчива. Она охотно повиснет перед фотографом, с любопытством рассматривая человека.

— Богатая Бет-Пак-Дала нечислеными. Советский народ использует их всё больше и больше. Через степь прокладываются газопроводы и каналы. Строительство её уже началось. В Джамбульской области, на Туркиске, возле станции Чу возник городок строителей. Начавшись отсюда, новая дорога уйдёт к северу, пересечёт восточную часть Бет-Пак-Далы и у степной Мониты сокинётся с существующей линией Карагандинской железной дороги. Стальной путь Мониты — Чу, протяжением в 443 километра, самолёт северной и южной части Казахстана, откроет выход карагандинскому угля на юг республики. Предполагается, что в топках локомотивной южной дороги будет сгорать уголь, добытый в шахтах Бет-Пак-Далы. Порода скважин огромную зону пустыни улучшит условия для отгонного животноводства.

Бет-Пак-Дала станет гигантским восточным, куда казахские животноводы смогут отгонять на зиму миллионы овец, коз, лошадей и верблюдов.

Самолёт покидает Бет-Пак-Далу — земля будущего, как называет её профессор Ижолев. Он считает, что на всех пустынь Советского Союза эта пустыня наиболее подготовлена к освоению. Наступление на неё ведётся со всех сторон — развёрнутое и планомерное.

Самолёт геологов в пустыне Бет-Пак-Дала.

СССР

О. РЕЗНИК

ПЕРЛОРИА И ВОССТАНОВИТЕЛЬНОСТЬ

Внимание советских читателей за последние время все чаще привлекают произведения, написанные новыми в литературе писателями. Заслуженную симпатию завоевали романы В. Павлова «Спутники», П. Вершгера «Люди с чистой совестью», В. Некрасова «В окопах Сталинграда», Эм. Казакевича «Звезда» и некоторые другие. В этих книгах раскрыты моральные качества советского человека — высокая идея и стойкость, которые выдержали самую суровую проверку.

Совещание молодых писателей, проведенное по инициативе ЦК комсомола совместно с Союзом советских писателей, помогло открыть новые литературные дарования во всех уголках нашей Родины. Рассказы начинающих авторов — зеркало успехов, трудностей творческого роста литературной молодежи.

Ю. Капусто — новичок в литературе. В альманахе, выпущенном издательством «Молодая гвардия» к совещанию молодых писателей, опубликованы отрывок из её повести «На багряном», которая целиком будет напечатана в журнале «Новый мир». Героиня повести Наташа Крайнова пришла на фронт прямо со школьной скамьи. В отряд капитана Никитича, который честно и трезво решает перед Наташей трудности боевой жизни, она говорит: «А я думаю, что сумеем». И вот мы видим эту хрупкую, но старому девушку на линии огня в полку, среди людей, умудренных жестоким опытом войны. Новому глазу может показаться, что сердца их сахишком загубила, что близкое соседство со смертью заглушило в них чуткость ко всему, выходящему за пределы непрерывной и трагической борьбы войны.

Не так просто заслужить доверие солдат, утвердить своё место на войне без компромиссов с совестью, сохраняя человеческое и женское достоинство. Наташа добивается того, что все, начиная от командира и кончая поваром, не только принимают её в свою среду как равную, но и начинают относиться к ней особенно чутко и заботливо. Она не поддается мелочным укладам самолюбия, не отступает, не впадает в амбицию. Наташа раздумывает над окружающим, стараясь отделить внешнее, наносное, от того глубоко, что несёт в себе, — человеческий стержень. Рассказы о героини и неприветливый разговор о себе, с наёмниками на то, что она лёгкая к командиру, героиня повести думает: «Нет, нельзя обижаться на них. С соседом по блиндажу у меня одна боль, одно желание. Что мне не хватает, того и им. Может, сегодня они будут жить только смеяться ради меня. Или я своей — ради них. Как придётся... И я в основном думаю о том, что глубокой человечностью сына Микояновского».

«Письм дэма в такую вот годедлеть,

Зубам

имсте пролекава,

Поймёшь: велъяз на людех жалеть

Нир оделяю, ни ласку...»

Автор сумел показать, что каждый из советских воинов перед лицом смерти сохраняет высокую советскую гуманизм, не распекается и не растрачивает своих чувств. В письмах к женику Сергею, в размышлениях введении с собой Наташа делится с любимым своим изобретением: «Первые дни войны были, что удалось — наконец-то! — попасть на передний край! А сейчас одного только пребывания здесь мне мало. Я в здесь не делаю всего, что могу. А помню, как вместе с тобой, что вместе — это реализация всех возможностей человека. И чистая совесть — тоже остается».

В письме к Сергею Наташа рассказывает об одном из своих товарищей — сержанте Ермоленко. Он так любит разговоры о дружбе, Храбрости без нужды проёт не терпит и до сих пор не может прожить мимо моего самовольного участия в разведе. Кажется, я извиню кое-что повила. Но fronte против становится явлением обычным. Его расценивают не как проявление каких-то высоких, не обычно благородных чувств, а как нечто такое, что само собой разумеется. Здесь нет места пустой романтике.

Поведение товарищей, участливые слова командира, мы бы сказали, весь дух и строй моральных чувств советской армия воспитывают и укрепляют в одной душе болящую человечность. Ей нужны sentimentalность, верленность, все признаки покаяной доброты, щедроты, молодечества.

Чувство единого воинского коллектива связывает людей на fronte. Особенно неприятно он выдвигает в этом коллективе себялюбия и эгоизма, припекающихся к условиям, поступающихся своим достоинством и нравственностью ради личного благополучия. Такова, например, старший сержант Аля, которая устроилась под югом у начальства и вся погложена пошлыми интрижками, добыванием авралов. Свою распушенность она объясняет оловитвом, тоской: «Думаю, встану утром и буаж уже не одла, а утром оказалось, всё равно одла». Наташа авралово замечает: в её откровенности было что-то беспомощное; и мы не можем не разделить нравственного протеста героини. Произошедшее в одно в пустой и никчемной женщине: «Только не сваливай на вошу! Встретить человека — полюбилъ его — с чем ты привелъ к нему?»

В наступательном порядке этих писаний автор разглядывает общие советским людям желание прилбить наступление, чтобы как можно скорее вернуться к мирной жизни. Эти мысли переключаются к известным рефреном из поэмы Гюгосского «Бислюк Терена»:

«Бой идёт не ради славы,

Ради жизни на земле».

Именно потому, что советский народ воевал во имя справедливости, он сумел прожить через все испытания высокую нравственность. Вспомните рассказы о героини повести из одного из крупных и трудных переводов войны. Но расставаясь с уверенностью, что те, что успеют, принесут в мирную жизнь жажду создания, душевные качества, не растраченные, а возмужавшие и воспитанные.

Молодые прозники, желая запечатлеть переживания тех события минувшей войны, не всегда находят подобно автору повести «На переднем крае» подход к теме войны, который позволяет отделить от поверхностного, бытового, то, характеризует душевный рост людей. Мы бы сказали, что во многих рассказах начинающих писателей вдалю проглядывает повторения между реализмом и натурализмом: чрековой достоверности, между правдой непосредственного впечатления, единичного наблюдения и большой правдой обобщения типической достоверности. Эти рассказы более или менее интересны и увлекательны, но их общее качество — отсутствие открытой, той внутренней перспективы, которая сообщает фактам авторского взгляда силу, заставляет задуматься, подвигивает новые выводы.

На без интересе воспринимаются повеление И. Северина «Голубая лента» («Звезда» № 1, 1947 год). Это сержант оловитво выдвигает себя, эгоизма из днявения. Автор выдвигает себя, эгоизма «Звезда» № 1. В них есть общая тема, которая определена первым абза-

цем: «Солдат — не только обшая профессия, но и обшая характер. Порой на fronte успеваешь заметить, что не все равны между собой, а общество. Только здесь можно забыть про возраст, образование, привычки и дружить, со всеми одинаково, словно с одним».

Утверждение автора представляется нам спорным. И уж, во всяком случае, для писателя прежде всего необходимо и интересно увидеть различия в складе, индивидуальность в обшем. Справедливости требует правда, что так оно порой и получается в «Звизакса саибра», вопреки столь категорической испутительной декларация автора. Всё же лада героев этих записок различными, смутно, и поэтому острая наблюдательность автора, помогающая ему верно заметить детали войны, не приобретает художественного полнокровия. Читатель «Звизакса» безынтересно, но глубокого следа в сердце и памяти они не оставляют. Однако समय характер творческой наблюдательности Северина таит в себе немалые возможности.

По рассказам Северина в некоторых других авторах мыло, что они ещё не умеют познать материал подобно замыслу. По неопытности или в силу намеренного самоограничения начинающие писатели преимущественно выступают как биографы и репортёры, не давая иду художественному домусу, недостаточно творчески вмешивая в то, что они воображают. Молодые писатели словно говорят явно: «Вот как оно было в самое трудное время на войне со мной и моими боевыми друзьями». И рассказанному верши. Но одна лишь неприкрашенная и суровая достоверность военного бытия не становится законной основой большой правды, если только отступает от своего многоголе чувств и размышлений, которое в поступках и поведении людей раскрывает второй план повествования, исторический смысл происходящего. Этого ещё слишком мало в рассказах молодых писателей.

При всём том в первых литературных опытах И. Северина, В. Реунова и ряда других чувствуется верное направление творческих поисков. Эти писатели идут от жизни, а не от предвзвешенной литературной схемы.

Некоторые из молодых литераторов ещё не избавлены от пагубного увлечения литературной условностью, изобилием вымышленного значения формальных ухищрений, от погоня за дешёвыми словесными приёмами.

Симптоматичен в этом смысле рассказ Н. Мельникова «Солдаты», опубликованный в альманахе издательства «Молодая гвардия». В нём с первых же строк неприятно поражают разрозненность мыслей, грубоная мнережность повествования, натуралистическое обмирание всяческих ужасов.

Истеязивий кровью раненый солдат, от имени которого ведется рассказ, добивается до сознания в момент бою: «Нас, а может быть, и две тысячи, жидит зубом свет. Очень хочется жить. Но почему мне без соли?.. Не верна, что доживу до пустых траншей... Но была весна, и я полз. Вокруг развились... пули. Одна сокнула по моему кошке, слышны мои лад подальше... я позула, я впервые в жизни понял, что значат смертельные токс...» Солдат принимает минувший бой: «Выледали и тихо вошли в наступление... Потом замедлился сонный и сруб ступил вперед. Было часо восемь утра, а казало, рассело до того, что заматлился спиравл. Потом началась война».

Автор, повидимому, изолагает, что выявил собственный многозначительный приём: «Образ жизни человека и сруб ступил вперед. Было часо восемь утра, а казало, рассело до того, что заматлился спиравл. Потом началась война».

Ялта.

Л. Герасимов (масло).

В НИЗОВЬЯХ ЕНИСЕЯ

Лето уже в разгаре по всей стране, а за Полярным кругом, в дальних низовьях Енисея, на огромной реке нашего Севера, только начинается ледоход. Вероятно, это один из самых поздних ледоходов во всем мире.

Переход к лету совершается внезапно, стихийно и дико. Странное и могучее движение льдов становится событием для всего края. Наблюдая в Курейке ледоход на Енисее, товарищ Сталин говорил о половодье разбухшейся громадной реки.

Енисей называют Нилом нашего Севера. Правда, он не несёт плодородный ил на окружающие поля. Но площадь его бассейна — 2707 тысяч квадратных метров, а у Нила — 2867, его протяжение — 5200 километров, а протяжение Нила — 5590 километров. Правда, Енисей течёт не среди плодородных полей, а среди сибирской тайги и безлюдной болотистой тундры. Но влияние реки на окружающее пространство не менее значительно. Это великая грузовая артерия, соединяющая Арктику с «Большой землёй», связывающая Сибирскую магистраль с Северным морским путём. Это «золотые ворота» всей Центральной Азии. Тепло Енисея, как и тепло Гольфстрима, оживляет лёдватые прибрежные пространства, скованные мерзлотой.

Путешественник по Нилу, Флорбер записал в дневнике: «Река больше похожа на океан, чем на что-либо иное». Течёт по берегу песчаные отмели, изоборождённые ветром. Всё в таких пропорциях, что не знаясь, в какую сторону река течёт».

Эти слова вполне применимы к Енисею. В низовьях ширина его достигает десяти километров. Великая сибирская река в половодье настолько многоводна, что гонит обратно против течения воду своих притоков. Большие морские суда свободно проходят на многие сотни километров вверх по Енисею.

Огромная река определяет погоду на сотни километров в сторону от её берегов. За многие десятки километров отсюда кружатся снежинки после первых тёплых дней мая, и все знают, что это тронулся лёд на Енисее. С грёбня гор ползут серые туманы в долины, и все знают, что льды идут где-то около Ситковской пролима.

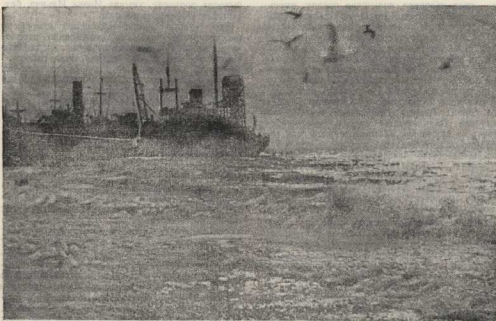
Медленно проплывают льдины по чистой воде в прибрежных разводьях. Видны длинные лодки «завозина», с которых багряны снимают брёвна, вывезенные в ладинах. Тишина, внятное спокойное движение людей и льдов средизают озабоченность и кипучую подготовительную работу к началу навигации, которая ведётся в порту после долгого зимнего перерыва. Это скорее — грозное латинское смиривание непряжённое ожидание ледохода, его первых подвигеж, первых трещин и разводий.

За льдом зорко наблюдают. У Ситковской пролима, у мыса Гривенцова, у здания Дудинского порта, в районе судовой верфи, у озёр, где открыты суда, устанавливаются посты наблюдения.

В прошлом году огромный торос, поднявшийся с реки на берег на 30 метров, достиг второго этажа здания Дудинского порта и навис над находившимся там, на балконе, водолазом, утравив наблюдателя. А на пункт наблюдения за островом Кабачкин, где строится лесопильный склад, по глубокой воде, уже катившейся поверх льда, шёл в июне снимать наблюдения гидролог Жилинский.

Велика энергия ледохода. Узкое копьё огромного ледяного поля направлено в центр Дудинской излучины, на здание порта. Льды могут сорвать железнодорожную насыпь у морского причала. Сорванные и скользя там же рывками повисают клубками на высоких пьдлинах. Ледяные валы закрывают наглухо выход из Дудинки. Их взрывают аммонантом, а со стороны Енисея гряды льдов направляются торосами.

Но вот льды прошли, и на Енисее появляются первые перекосы — начинается навигация.

На снимках (сверху вниз): ледяные торосы у здания Дудинского порта; ледоход на Енисее; ледоход на Енисее. Фото А. Сорокина

МАРАФОНСКОЕ ПЛАВАНИЕ

Медленно стелется ночь. Я лежу под густой широк и напрасно стараюсь уснуть. Тёмный полуметр дождя приглушает шум прибоя и лёгкий шорох замирает в листве парка. Скоро рассвет.

Через несколько часов мне предстоит проплыть по Дунаю сто километров в этом пропальмовом, большевьерский рекорд мадьярской плывчихи — Тибриу Кальман, побившей пятидесят лет тому назад по Дунаю семидесять два километра — от Эстерома до Будапешта.

Интересно, о чём в такие минуты думал легендарный пловец Песче Кола (человек-рыба), живший в средние века на острове Сицилия? Большую часть своей жизни Песче Кола проводил в Средиземном море, вдали от берегов, получая пищу и отдых на случайных проплывающих кораблях. Выловленная им Песче Кола, отправляясь в свои дальние загадочные морские прогулки...

Предрассветный туман поднимается над рекой. Дунай багрит, как громадное зеркало в зелёной оправе густо заросших берегов. Ну, старый Дунай, ещё несколько минут — и мы вступим с тобой в единоборство.

И покрытое тело толстым слоем специальной мази, предохраняющей тело от излишней потери тепла и от охлаждения. «На старт — командуем генерал-майор Рождественский, поднимая ракетку — марш! Ить час тридцать минут по башенному времени. Холодная вода обжигает стальные стены, как угрюмые багны уходят в светлое небо — это Эстером. Постепенно усталость в ожив обхватывает всё тело. Сосуды расширяются, нерукожания становятся мышца. Так наступает «мёртвая точка». Здесь, на пятидесятом километре, она стала передо мной, как высокий гор, преграждающий путь к победе...

С людьми мне подвоят горячий флюид, сладкий чай, шоколад. Принимая пищу, я, согласно правилам, не соприкасаюсь с людьми. За каждым моим движением зорко следят иностранные судья и журналисты.

В моногонной борьбе с рекой, холодом и усталостью проплываю пятнадцать километров. «Мёртвая точка» проплыта — и плывть стало легче, теперь до столицы Венгрии, Будапешта, осталось сорок километров. Лучшее утро сейчас подвоя, и холодный ветер падёт на спину, дневному телу. Быстро темнеет, на горизонте появляется белая зыбкая линия. Наконец, за поворотом реки засверкает Будапешт.

«Остороже, капитан!» — кричит мне с лодки. Я и сам вижу: три огромных авиационных мотора прервали туман, образуя водовороты; то так, то здесь из воды торчат железные башни. Не успевая артаить свет сверху, Невилл главу ночного Дуная это опровергающей меня трансляции Дунайской краснознаменной флотилии, ослепил мне опасный путь мощным прожектором. Поставил метры. Я подплываю к зданию будущего парламента. Когда четвёртый ракет освещает небо, и толпы зрителей с мостов, пришедших посмотреть мой финиш,

Так была закончена стомилевая гонимая дистанция. Судьи зафиксировали время — 17 часов 54 минуты 47 секунд.

Марафонское плавание, как, по аналогии с марафонским бегом, с давних пор стали называть дальние проплывы, имеет историю.

Первый проплыл со спортивными целями английский капитан Роберт Байрон, который, несмотря на хромоту, был отменным пловцом. 3 мая 1810 года он переплыл Дарданеллы из Сестоса в Абидос, проплыв за три этого око 5 километров.

Классическая международная трасса, имеющая семидесятилет-

нюю историю, является проплы Ламини. Первым 26 августа 1873 года в направлении из Дуара в Калде его переплыл капитан англо-русского торгового судна Матью Бебб, 29 километра он проплыл за 21 час 46 минут. С тех пор около сотни пловцов многих стран старались одолеть канал. Но сильные морские течения и холодная вода часто побеждали силу и волю спортсменов. За 75 лет победу над Ламинишом одержали только 25 пловцов. В 1926 году Ламини переплыл первая женщина — известная американская пловчиха Гертруда Элерне.

Дальние проплывы совершались и в других местах: через Байракт, вокруг острова Мальтеш (Нью-Йорк), на озере Онтарио (Северная Америка), в Палестине, по Тиренскому озеру.

Во многих буржуазных странах плываю за сенсацией и игра в международных интересах превратилась марафонское плавание в мероприятие, не имеющее ничего общего со спортом.

Невдалеко до войны востраивания печать сообщала о тридцатипятилетней смерти немецкой пловчихи Рут Литтл, последовавшей в результате попытки установить 100-часовой рекорд в плавании. После 79 часов пребывания в воде в Балтике, около Эссена, она была извлечена из воды в обморочном состоянии и умерла, не приходя в сознание. Расследование подробностей этого соревнования вскрывало истинное лицо буржуазного спорта: мать Рут Литтл, несмотря на просьбы дочери прекратить соревнования, не соглашалась на это, не желая терять большую сумму денег, которую должна была получить в случае установления рекорда.

В дореволюционной России марафонское плавание не пользовалось популярностью. Известней-

шим марафонскому плаванию на 25 километров Евгений Второвой во время рекордного заплыва по Чёрному морю вытискивал при каждом сокращении около 5 тысяч кропи, что составляет почти 840 литров за один час, или около 7500 литров кропи за всё время нахождения её в пути. Это безмерный показатель жесточести работы сердца.

Какие же образом пловцы добивались феноменальной выносливости, позволяющей проплывать сверхдлинные дистанции?

Секрет успеха лежит в длительном плаваньи, включающей в себя, помимо плавания, занятия другими видами спорта — гимнастикой, борьбой, спортом, гимнастикой и борьбой, гимнастикой и борьбой, гимнастикой и борьбой.

Организм марафонского пловца обладает способностью работать чрезвычайно долго и почти без утомления на предельных возможностях, что позволяет преодолевать большие дистанции без вреда для здоровья. Марафонское плавание выработало выносливость, мужество и настойчивость — качества, столь необходимые каждому бизнесмену-американцу.

Годы Великой Отечественной войны показали, что плавание имеет не только спортивное, но и большое военно-прикладное значение.

Героический поступок совершил лейтенантский пловец, старшина И. статьи Никитин. Подводная лодка, на которой он служил, получила повреждение. Никитин выбросился на поверхность моря из торпедного аппарата с помощью выдвинутого спасательного прибора и затем ориентировался по звёздам, проплыв около 15 километров до берега и доложив командованию о случившемся. Подводная лодка и её экипаж были спасены.

Комсомолец Петр Голубев (46 лет), как чемпион в старшей дистанции, было широко известно в нашей стране), выполняя боевое задание, успешно проплыл с отсталым командованием 20 километров кролем, затратив на марафонскую дистанцию меньше 9 часов.

Сейчас спортсмены интересуются не только расстоянием проплыва, но и скорости. Первые послевоенные сезонные соревнования по марафонскому плаванию показали, что наши лучшие пловцы способны размять во время дальних проплывов большие скорости. В августе прошлого года во всезонном морском проплыве на 25 километров быстреейшим из пловцов-марафонцев оказался Виктор Гаджалин. Он проплыл дистанцию за 8 часов 17 минут. Из женщин первой была Евгения Второва, показавшая замечательное время: 15 километров она проплыла за 4 часа 58 минут.

Не исключая возможности, что на мировой олимпиаде 1948 года в Лондоне нашим пловцам-марфонцам придётся вступить в единоборство с лучшими пловцами Европы и Америки на международной марафонской трассе — в воле Ламини. Пловцы Советского Союза должны быть готовы к тому, чтобы одержать победу.

Дальнейшее совершенствование мастеров и привлечение к марафонскому плаванию лучших советских молодёжи помогут нам достичь новых высоких показателей в одном из самых трудных и полезных видов спорта.

Пловцы принимают пищу во время дальнего проплыва по Чёрному морю. Слева — мастер спорта Искандер Файзуллин, справа — Николай Мельни.

только один проплыл по Каспийскому морю — 45 километров — от Шиховской косы до Баку, совершённый в бурную погоду преподавателем бакинской гимназии Л. А. Романченко 25 июля 1912 года. Его результат — 24 часа 10 минут.

После Великой Октябрьской революции плавание стало массовым видом спорта, дальние проплывы получили широкое распространение. Теперь среди наших спортсменов имеются не один десятков пловцов, показывающих результаты международного класса. В 1936 году заслуженный мастер спорта В. Кузнецов проплыл по Чёрному морю около 60 километров, проведя больше 28 часов в воде. Чемпион Советского Союза мастер спорта В. Демьянух плыв проплыл 24 часа 36 минут, чтобы в бурную погоду проплыть 50 километров.

Марафонское плавание — один из самых трудных видов спорта, предъявляющий организму спортсмена исключительно высокие требования. Убывные установив, что сердце чемпионки страны

В НАУЧНЫХ ЛАБОРАТОРИЯХ СТРАНЫ

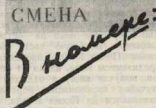
● Когда мы смотрим на картину, защищённую стеклами, они нередко кажутся нам темнее, чем без стекла. При определённых углах, под которыми зритель разглядывает картину, художественное проявление преломляет чрезвычайно много только из-за обыкновенного стекла, образующего препятствие на пути лучей света, падающих на полотно: блестящая поверхность отражает свет и присылает его в глаза в виде светлых бликов. Этот пример характеризует, как даже одно тонкое стекло затрудняет разглядывание предметов, закрытых им. Явление во много раз осложняется в оптических системах со многими стеклами, микроскопах, телескопах, перископах и т. д. В некоторых случаях в сложных оптических системах из-за отражения света от поверхности отдельных линз теряется до 95%

света и лишь 5% используются по назначению. Уже столетия назад голландские специалисты по изготовлению оптических приборов, столкнувшись с эффектом отражения, пытались улучшить качество своих приборов, уменьшая способность стекла отражать: они делали оптические линзы тусклыми. Но этот процесс оказался слишком сложным, чтобы его можно было осуществлять таким простым способом. Только естественно потускневшие от времени линзы оказывались лучше чистых, с блестящей поверхностью. Искусственно потускневшие от времени линзы не удавалось. Однако растущая роль сложнейших оптических систем заставляла учёных продолжать работы в области искусственного «старения» линз, которое, как это на страню на первый взгляд, носит название «протускление». Заграничье начиная с 1916 года предложено немало спо-

соба просветления оптических стёкол, но все они не дали удовлетворительного решения.

Советские оптики академики И. В. Гребенщиков и А. А. Лобель в Государственном оптическом институте не только дали теоретическое обоснование методов просветления линз, но разработали и весь технологический процесс создания на стекле особых поверхностей — облагораживающих лучей света, пролимающих линзы.

Благодаря просветлению потери света, вызываемые его отражением, уменьшаются более чем в десять раз. Особый приём позволяет кроме того устранить блики, слезящие глаза: коэффициент преломления света, которым обладает плёнка, должен занимать среднее положение между коэффициентами преломления воздуха и стекла. Благодаря этому отраженные лучи гасят друг друга.

Дневник пятилетки.
В. Лифшиц — Альпийская топография.

Добрша Цесерич — Правда: Сергей Тельванов — Монгольская легенда.

М. Ларин — Гроза.
А. Преображенский — Аттестат зрелости.

Михаил Львов — Судя признают урле на год...

Андрей Досталь — В читальном зале.

Евгения Леваковская — Находка.

День за днём. Фотохроника жизни молодёнки.

События и даты.
Николай Новосёлов — Весенняя путина.

П. Капурин — Баг-Пан-Дала Литературное обозрение. О Различии — О черном чувстве действительности.

В. Красовский — В низовьях Енисея.

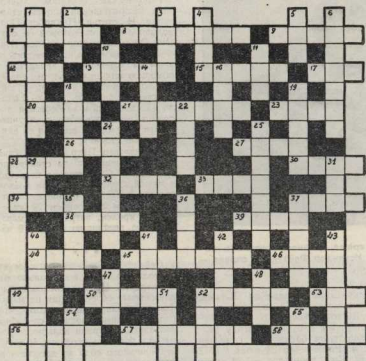
Искандер Файзуллин — Маранское плавание. В научных лабораториях страны. Кроссворд.

Оформление номера художника В. Урина

КРОССВОРД

Составил Л. Томьянин.

По вертикали:

1. Представление в пользу отдельной рабочей смены. 2. Река в Индии. 3. Застольная речь. 4. Приставка в сложных словах, означающая «около», «возле». 5. Столбчатые. 6. Мужское имя. 10. Вальсация. 11. Место для стрельбы. 14. Малейшая частица вещества. 16. Награда, выдаваемая победителю состязания. 18. Место для постройки судов. 19. Атака укреплёния. 22. Столбца европейского государства. 24. Окопы. 25. Высший командир во флоте. 29.

Река в СССР. 31. Легендарный основатель Рима. 35. Вид литературного произведения. 36. Бог войны. 37. Остров в Средиземном море. 40. Место спортивных состязаний. 41. Змея. 42. Река в СССР. 43. Мифическое Сосетское Сосуды. 47. Озеро в Америке. 48. Шифр. 51. Краеугольный камень. 52. Верхняя одежда. 54. Местонахождение. 55. Плутовчий анекдот.

По горизонтали:

7. Время, в течение которого производится какое-либо действие. 8. Возвращение. 9. Малый тип-

пографический шрифт. 12. Отрицание. 13. Морской разбойник. 15. Отравляющее вещество. 17. Украшение. 20. Главная задача произведения. 21. Русский композитор. 23. Домашняя птица. 26. Вид драматического произведения. 27. Река в Германии. 28. Времена суток. 30. Пантомим. 32. Мужское имя. 33. Город во Франции. 34. Изображение бытовых сцен. 37. Геометрическая фигура. 38. Князь Киевской Руси. 39. Река в Испании. 44. Дествия судьи. 45. Один из величайших памятников древнегреческого зодчества. 46. Настольная игра. 49. Хвалёное стихотворение. 50. Форма общественных отношений, охраняемых государством. 52. Средство переправы. 53. Пробор для измерения глубины. 56. Мера веса. 57. Столица государства в Европе. 58. Известный русский цирковой артист.

Ответы

(К кроссворду, помещённому в № 9)

По вертикали: 1. Далека. 2. Лозе. 3. Аваши. 4. Омора. 5. Ринка. 6. Ворон. 7. Робот. 8. Акула. 10. Ворон. 11. Порон. 12. Капри. 14. Адмир. 16. Марат. 22. Юсте. 23. Ринка. 26. Алеко. 27. Галло. 28. Кава. 29. Ава. 30. Тотор. 31. Понло. 32. Арна. 33. Тома. 34. Нандра. 35. Занал. 42. Отыку. 43. Оневи. 45. Рамна. 47. Алето. 48. Пельбе. 53. Рабор. 54. Пель. 55. Петит. 56. Вирон. 58. Сутри. 59. Оаме. 60. Оневи. 61. Карта. 62. Алаге. 63. Марва.

По горизонтали: 2. Лако. 8. Артон. 9. Серон. 12. Ковеса. 13. Галви. 15. Вонго. 17. Укерон. 18. Кава. 17. Кола. 18. Самар. 21. Рюко. 24. Кава. 25. Намат. 26. Арне. 29. Арна. 33. Тома. 36. Лавин. 37. Тотор. 38. Огара. 39. Аллан. 40. Мотан. 41. Короб. 44. Пурон. 46. Наман. 49. Оневи. 50. Оневи. 51. Анвал. 52. Юган. 55. Пелье. 57. Манве. 58. Оневи. 63. Манве. 64. Рюко. 65. Алаге. 66. Потор. 67. Зеба. 68. Ригор. 69. Губин. 70. Тракт. 71. Салат.

И. о. редактора И. КОТОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д 3-34-24.

А-06021. Подписано к печати 24/IV-47 г.

Вкл. 1203.

Тираж 60 000 экз.

Иск. № 351.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена номера 2 руб.

